

За это десятилетіе изъ рядового обывательскаго дома выросло огромное зданіе Музея Рериха въ Нью-Йоркѣ. Оставшись въ живомъ центрѣ мірового города, оно въ то же время ушло къ предѣльному его краю, насколько можно дальше отъ грохота гудящихъ подъ землей и оглушающихъ вдоль крышъ желѣзныхъ поѣздовъ, отъ слѣпящихъ вывѣсокъ и выставокъ магазиновъ, отъ торопливой суеты улицы, къ берегу спокойнаго теченія широкаго Гудзона.

Музей картинъ и памятниковъ исторіи размѣстился въ огромномъ зданіи. Онъ ушелъ отъ привычной тѣсноты такихъ собраній. Его входы и выходы точно подчеркнули эту свободу пространства. Зритель не сталкивается въ упоръ съ первыми картинами, у него при выходѣ остается еще много ровныхъ, неторопливыхъ шаговъ по ступенямъ широкой бѣлой лѣстницы.

Зданіе огромно своей высотой. Совпалъ ли его стиль со стремленіемъ закованнаго въ каменные стѣны городовъ вольнаго народа вырваться къ простору, когда просторъ остался только ввысь, но надо поднять глаза туда, куда мы уходимъ къ вѣчно измѣнчивымъ и предвѣчно тѣмъ же бѣлымъ рисункамъ облаковъ на синемъ отъ безконечности небѣ. Надо смотрѣть въ эту высь, чтобы увидѣть, куда уходятъ верхи зданія, обнявшаго Музей.

Недалеко отъ стѣнъ Музея, въ старинномъ городкѣ среди Нью-Йорка, замкнулся тоже въ зданія просторныхъ, высокихъ залъ и безчисленныхъ аудиторій міровой университетъ, годами старше его страны. Въ немъ, среди тысячъ молодыхъ и сѣдыхъ юношей-студентовъ и среди тысячъ его учителей, въ вечерніе часы раздается мѣрный говоръ разсказа о далекой Россіи. Прародители древлянъ и вятичей оживаютъ въ повѣсти историка, встаетъ дремучая глубь сѣверныхъ лѣсовъ, многоводныя рѣки, тихія озера новгородскаго края, откуда плывутъ къ днѣпровскимъ берегамъ, по пути "отъ Варягъ въ Греки", скандинавскіе викинги. Проходятъ вѣка, поднимаются бѣлыя церкви Новгорода, Кіева, Суздаля, Москвы, растекается Русь къ далекому Поморью, перемежаются непроходимыя лѣса поющими славу Божію монастырями, растутъ они въ лавры, въ крѣпости примиренія, молитвы и покоя.

Въ Музей самъ Рерихъ приготовилъ давно, еще отъ Россіи, еще отъ прежнихъ лѣтъ тишины передъ потрясеніемъ, эту повѣсть предразсвѣтной зари, несказанныя, неразгаданныя молчаливыя легенды, ту сказку правды, которую знаетъ только глубокой ученый и вдохновенный художникъ. Въ туманахъ рѣчныхъ, въ синевѣ лѣсной, въ зоряхъ и закатахъ надъ буйной природой далекаго и родного, вырастаютъ, образъ за образомъ, картина за картиной, золото и краски московскаго царства.

Идутъ ему на встрѣчу сказанія далекаго Востока, — другого лица еще не сказанной Россіи. Большая, таинственная книга этихъ сказаній неба и земли, самаго Бога въ созданной имъ мысли человѣка, идетъ цвѣтными листьями по стѣнамъ Музея. Вѣчная борьба свѣта съ ночью, борьба мысли съ безмолвіемъ, говоритъ о загадкѣ міра, — о претвореніи свѣта и движенія въ тѣло природы.

Въ этомъ причудливомъ зданіи, гдѣ безмолвное искусство говоритъ мыслями и гдѣ мысль складываетъ краски и шиваетъ ихъ свѣтомъ и тѣнями въ поэзію, легко говорится о красотѣ.

Красота! Безъ нея застываетъ, замерзаетъ жизнь. Въ ея умираніи

осенью засыпаетъ міръ, закрываясь бѣлымъ покрываломъ, чтобы во снѣ подѣ нимъ отдохнули уставшіе отъ быстрыхъ побѣговъ корни и зерна. Безѣ нея умираетъ семья, единственный неразрушенный союзъ тысячелѣтій, безѣ нея дѣти уходятъ къ преступленію и лжи.

Двѣ маленькія книжки о красотѣ, на родинѣ ея - Италіи, лежали передѣ нашей бесѣдой въ Музеѣ. Въ этой бесѣдѣ сказалося необычное слово, - о практическомъ идеализмѣ, - о томъ, какъ можно сочетать приказы жизни, не разставаясь съ идеей красоты.

Одна изѣ книжекъ разсказала о несмѣтныхъ богатствахъ искусства на родинѣ Рафаэля, Микель Анджело и Леонардо да Винчи, сохраненныхъ въ буряхъ человѣческаго истребленія вѣками. Другая подняла изѣ глубокій древности еще болѣе молчаливые, и еще громче говорящіе камни античнаго міра, - того міра, который далъ устои всей культурѣ дальнѣйшихъ вѣковъ, и связалъ идущее сверху христіанство съ землей. Этотъ міръ далъ Форму красотѣ, онъ далъ орудія мысли, онъ приготовилъ человѣчество къ воспріятію религіи любви. Опустивъ боговъ на землю, онъ далъ человѣку силу подниматься надѣ землей.

Война, названная великой, какъ называютъ міровыя бѣдствія человѣчества, создала проповѣдь силы. Среди вождей выросли снова ведущіе къ подавленію свободной мысли и воли человѣка жертвой передѣ алтаремъ бога, имя которому - толпа. Давно, очень давно, когда человѣкъ хилъ въ страхѣ передѣ дикимъ звѣремъ, когда отъ великой природы онъ научался только ужасу, на каменныхъ алтаряхъ приносилась жертва. Въ ней человѣкъ отдавалъ своему божеству ягненка, - самаго безсильнаго въ мірѣ животныхъ. Проходили вѣка и жертвой каменнаго алтаря, у все еще дикаго человѣчества, стали слабѣйшіе среди людей, жертвы насилія и - безсилія.

Прошло много вѣковъ славы, мудрости, торжества человѣческаго генія. Отъ познанія мысли и красоты человѣчество пришло къ творчеству той и другой. Онъ творились новой заповѣдью міра. Эту заповѣдь великій писатель русской земли называлъ Живою Жизнью. Отвѣчая ему, мыслители міра говорили: Жизнь есть Свѣтъ.

Казалось, что человѣчество стало на порогѣ признанія, что творчество жизни, защита мира, цѣнность человѣка объединять народы, уставшіе вѣками въ борьбѣ и истребленіи. Но призывъ толпы шелъ не къ созданию мысли и красоты, но къ вождямъ силы.

И снова туманы, ждущіе разсвѣта надѣ дремучей чащей первобытнаго страха и вражды, разстилались надѣ странами культурнѣйшихъ народовъ, какъ на картинахъ древняго человѣка въ залахъ Музея.

Но среди вождей силы одинъ рожденъ былъ въ странѣ искусства и красоты, въ странѣ поющаго народа, голубого свѣта горъ, на берегахъ Средиземнаго Моря, откуда поднялись тысячи лѣтъ назадѣ мысль и красота.

Вождь не отрекся отъ силы, въ любви къ толпѣ, еще не могущей стать людьми. Отвѣчая ея призыву, онъ двинулъ свои послушные отряды собирать накопленные вѣками чудеса искусства, доставать ихъ изѣ пыли и пепла времени, открывать ихъ изѣ глубокихъ подземелій и показывать всему одичалому міру. Тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ онъ созывалъ свои легіоны, онъ позвалъ весь міръ приходитъ въ его страну и вспомнить забытую красоту.

Быть может онъ намъ чужой, быть может онъ неправъ, опираясь на силу, но его призывъ именемъ прекраснѣйшихъ созданій двухъ тысячелѣтій обнавиваетъ споръ, зоветъ къ глубокому раздумью, собираетъ въ молчаливомъ восторгѣ проходящихъ среди статуй, колоннъ, зданій, уносящихъ отъ политой кровью земли въ незапятнанное человѣческимъ грѣхомъ надземное пространство. И бѣлый свѣтъ оттуда возвращается въ семи своихъ причудливыхъ частяхъ на полотна великихъ мастеровъ въ безчисленныхъ сочетаніяхъ.

Быть может онъ правъ, если свою силу онъ вооружилъ красотой. Быть может онъ сможетъ научить силу служить красотѣ. Тогда его статуя въ Римѣ будетъ выше статуи Цезаря.

Евгеній Московъ
Master of Arts.

Нью-Йоркъ.
29 Сентября 1933 г.